

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

Древние письменности и древние языки

Обычно язык как объект лингвистического изучения — это либо живой язык, записанный в фонетической или фонологической транскрипции, либо язык, дошедший до нас в другой записи, более или менее адекватно передающей все фонемы, морфемы и лексемы. Но к шумерскому и другим древнеписьменным языкам техника лингвистических исследований, выработанная для изучения живых языков, в чистом виде неприменима.

Прежде чем греки на Западе и индийцы на Востоке изобрели системы письменности, состоящие из символов, которые по сути дела являются референтами всех фонем (или их групп), существовавших в языке, — до тех пор письменность не предназначалась непосредственно для воспроизведения живого языка; ее функция была, в основном, мнемонической. Это можно показать даже на примере так называемых "фонетических" систем письма — ологовых и "афрантных", или квазиафрантных.

Так, знаки финикийского письма полифоничны (И.Е.Гельб). Каждый из них передает определенный согласный плюс любой гласный или нуль гласного, причем гласный может быть кратким или долгим, и согласный тоже может быть кратким или долгим либо редуцированным. Мало того, греческие транскрипция эпохи, когда уже существовало финикийское квазиафрантное письмо, показывает, что и в отношении согласных финикийские знаки были полифоничны. По-видимому лишь позже, — возможно, под частичным влиянием арамейского, — в древнееврейском (и финикийском) не только в графике, но и в речи совпали фонемы /š/ и /s/, /t/ и /s/, а /v/ и /š/ совпадали до времени масоретов, хотя /š/ произносилось, на арамейский лад, как /v/. В Угарите мы видим сосуществование 30-буквенный алфавит, более детально различающий согласные фонемы, и 22-буквенную азбуку, аналогичную финикийской. Однако и в 30-буквенном алфавите нет однозначного различения фонем /d/ и /š/, вместо которых угаритяне писали, в первом случае d и š, во втором, — v и t. Прием тут точно такой же, как в аккадском, где писец не имел знака для звукосочетания /tu/, но имел право произвольно избирать либо знак tu, либо знак tun, оба одинаково в данном конкретном случае с чтением /tu/. Для

писца важно было узнавание той информации, которую он вкладывал в текст, но было совершенно не обязательно, чтобы это узнавание было основано на строгом соответствии знака определенному языковому референту. Насколько это порой было маловажным, показывает пример не только угаритского квазифанита, но и германских рун, где пишущие отбросили более точную передачу своих фонем и от системы 24 знаков перешли к 16.

Еще более ясно это на примере syllabicеских систем письма. Мне кажется, дешифровщики Линейного А напрасно ищут за ним язык, для которого характерны только последовательности типа СТ+СТ+СТ, исходя из того, что все **з н а к и** в принципе выражают открытые слоги. Это - условность, очень распространенная в "слоговых" письменностях (протоэбидской, "хеттской" нероглифической, "древнеперсидской", Линейной Б, кипрокой и т.д.), и она не имеет отношения к структуре слога в передаваемых языках. Для всех ранних письменностей почти универсальной является пропуск **-n#**, **-m#**, часто других сонорных и **-a#** (линое, но ошибочное толкование, между прочим, см. И.М.Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр.51). Если в Линейном Б слово, написанное e-ke, могло быть произнесено на сто разных ладов, то писца это не беспокоило. Причиной этому был мнемонический характер письменности: в тексте того содержания, которое имел в виду писец, число возможных чтений этого слова сводилось к одному-двум. Но это, конечно, подразумевает, что не любое высказывание могло подлежать письменной фиксации. Для человека, не знакомого заданое с хотя бы приблизительным содержанием мнемонически передаваемого текста, чтение его состоит из разгадывания загадок, и не все они имеют решение.

В еще большей степени все это относится к так называемым "словесно-слоговым" системам письма, основу которых составляют знаки для понятий. Здесь знаки, передающие ребусным путем звуковые последовательности (но не "слоги") ставятся лишь для облегчения узнавания информативного содержания данной записи путем указания на форму слова. Подобные знаки могут опускаться по произволу писца там, где, как ему кажется, и без того будет понятие, о чем идет речь. Такое письмо правильно было бы назвать "понятийно-ребусным": каждый знак имеет столько понятийных значений, сколько имеется ассоциаций с изображаемым предметом, и круг их

ограничен только ассоциациями, возникающими в связи с каким-либо иным понятийным знаком. Поэтому и число ребусных значений тех же самых знаков велико и довольно неопределенно. Конечно, указание на произношение слова — удобный способ сделать информацию недвусмысленной, и общее направление развитие подобных письменностей идет в сторону более полной передачи языка, однако до фонетической передачи, как она мерещится, например, некоторым аккадистам, дело не доходит.

Шумерский или иной подобный корпус текстов (окажем, египетский) нельзя рассматривать как непосредственную передачу языка по типу фонетической или фонологической записи. Лингвистическими методами, по существу, нельзя ограничиваться при изучении любого письменного языка. В любой орфографии всегда содержатся элементы десятков синхронных языковых уровней и множество экстралингвистических феноменов. Представление о возможности диахронического изучения языков путем соположения разных синхронных уровней — ложное и наивное представление. Метод изучения языков путем расчленения их на "уровни" и отбрасывания всей информации, как бы она ни была важна, коль скоро она происходит с другого "уровня", к письменному языку вряд ли применим. Точно так же тщетны поиски в письменном языке минимальных пар, потому что в нем мы имеем дело не с фонологией, а с графикой, а графика не есть просто система референтов фонологических явлений. Чтобы добраться до мертвого языка, мы должны прежде пробиться к нему чрез определенную систему письменности. А если эта система — не фонетическая (как санскритская) и не в грубом приближении фонологическая (как греческая), то задача становится сложной. Шумерологи молодого поколения, в особенности М. Сивиль, явно дают себе в этом отчет, однако и Сивиль еще продолжает мыслить в категориях письма как системы референтов фонологии, между тем как нужно мыслить в категориях мнемотехники. После наблюдений И. Фридриха над ходом создания (уже на глазах исследователей) эскимосского понятийно-ребусного письма это становится вполне наглядным.

Говоря специально о шумерской письменности, можно считать, что она прошла несколько стадий:

I. На чисто мнемонической стадии рисуночные знаки (будь то в прямом понятийном или в ребусном употреблении) передают

только опорные понятия. Морфология вовсе не передается, и синтаксис, по-видимому, тоже не передается. — (Урук IV—II, Джемдет-нагр).

2. На следующей стадии отдельные, довольно редкие знаки в их ребусном употреблении прибавляются к понятийным знакам (идеограммам) в качестве фонетических компонентов для облегчения восприятия передаваемой информации: TI+ŠU^{ba} = /šubantieš/, корень ša...ti, и также an-na^{ba} = /anamba?/ (а не an-na-ba, как это написание обычно воспринимается). — (Фара, Лагаш до Занатума).

3. На последней стадии шумерской письменности фонетические компоненты умножаются вплоть до почти полной передачи морфологической структуры речи, причем, однако, они не становятся, разумеется, "морфемными знаками"; одновременно в значительной степени начинает выдерживаться и синтаксис (кроме, возможно, оборотов с числительными). Но надо подчеркнуть, что выражение ряд элементов морфологии (не говоря о фонологии и фонетике) ни в какой период не было для писца императивным. Он добавлял ровно столько компонентов, сколько считал нужным, чтобы быть уверенным в понимании текста читателем. Так, обозначение -n[#], -m[#] остается факультативным до самого конца. Более или менее полная графическая передача морфологической структуры шумерского языка стала, с точки зрения принципов шумерской графической системы и подхода писцов к своим задачам, необходимой лишь на стадии вымирания языка. — (От Занатума до конца существования шумерской письменности).

Из изложенного ясно, что обозначение шумерского письма (а также аналогичных, например древнеегипетского) как "слово-слового", неправильно. Отдельный знак письма не является неизменным референтом одного определенного слова, точно также как эти же знаки в ребусном употреблении не являются референтами слов. Правильнее такое письмо называть "понятийно-ребусным". Соответственно, и шумерский корпус текстов нельзя безоговорочно воспринимать как "язык". Надо примириться с тем, что при мнемоническом понятийно-ребусном характере написаний наше постижение стоящего за ними языка навсегда должно остаться ограниченным.

Одним из практических выводов из вышесказанного должен быть решительный отказ от попыток превращения транслитерации

дренного текста в некую имитацию псевдофонологической (А. Фалькенштейн) или псевдофонетической транскрипции (В. фон Зоден, К. Деллер и др.). Во всех отношениях практичнее, поэтому, писать $du\dot{g}_d$, $pa\dot{d}$ вместо du_{11} , pa и, соответственно, в родительном падеже $du\dot{g}_d$ -га = / $du\dot{g}$ -a/, $pa\dot{d}$ -да = / $pa\dot{d}$ -a/ вместо du_{11} -га, pa -да, псевдофонетических написаний для / $du\dot{g}$ a/, / $pa\dot{d}$ a/, но с необъяснимыми знаками -га, -да. Еще точнее было бы писать ka , $ka\dot{B}^a$, $pa\dot{d}$, $pa\dot{d}^{\dot{d}a}$.

Г. А. Климов

О месте эргативного строя
в континентно-типологической классификации языков

Континентно-типологические исследования, основанные на изучении способов передачи в различных языках субъектно-объектных отношений, приводят к выделению нескольких языковых типов, из которых в настоящее время более отчетливо по сравнению с остальными вырисовываются три типа - номинативный строй (далее - НС), эргативный (далее - ЭС) и активный (далее - АС). Предшествовавшие исследования доказали, что ЭС типологически отличен от НС и, что, в частности, эргативная конструкция предложения не может быть отождествлена со страдательным оборотом номинативных языков. Однако, взаимоотношения ЭС и АС и сейчас представляются далеко не столь ясными (как известно, еще в совсем недавнем прошлом они вообще взаимно не обособились).

Сопоставление импликаций, т.е. взаимно необходимых структурных признаков, НС с такими ЭС и АС показывает, что по степени их ориентации на передачу субъектно-объектных отношений все три типологические системы должны быть встроены в единую последовательность, промежуточную позицию в которой занимает ЭС.

Действительно, если строение элементы НС передают субъектно-объектные отношения сравнительно однозначно (ср., например, функции номинатива, аккумулятива, датива, или роль личных показателей и оппозиции действительного и страдательного залога в глаголе и т.п.), то компоненты ЭС выражают их уже менее одно-